УДК 82 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.003

КАВКАЗ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД ГОРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ. Часть 2. С позиции пролеткульта

Лема Абдоллаевич Турпалов

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Аннотация. В тексте, являющемся продолжением статьи, размещенной в третьем номере "Вестника КНИИ РАН" за 1925 г., анализируются публицистические работы первых северокавказских национальных просветителей советского периода, посвященные вопросам искажения образа горцев в произведениях классиков русской литературы.

Эти стереотипы, созданные А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Л.Н. Толстым другими литераторами в XIX веке, оставались довольно распространенными и после развала царской империи и провозглашения большевистской властью национального равноправия. Как на бытовом уровне, так и в литературе довольно часто горцы преподносились как неисправимые разбойники. В годы социалистической модернизации фальсификации образа горцев Северного Кавказа в дореволюционной классике и в советской литературе стали предметом критики новой советской плеяды национальных просветителей. Особенно остро эта тема рассматривалась в условиях монополии концепций пролеткульта. В многочисленных исследованиях, посвященным кавказской тематике в русской литературе, практически не затрагиваются вопросы достоверности созданных ими картин общественной жизни, быта горских народов.

***Ключевые слова*:** кавказская тема в русской литературе, образы горцев, взгляд северокавказских просветителей и публицистов

THE CAUCASUS THROUGH THE EYES OF RUSSIAN WRITERS: A CRITICAL LOOK FROM MOUNTAIN ENLIGHTENERS. Part 2. From the perspective of proletarian culture

Turpalov Lema Abdollayevich

CI RAS

Abstract. Russian readers of the 19th century formed their ideas about the Caucasus and the highlanders under the influence of romantic images created by Russian writers. However, these paintings did not always correspond to reality. Numerous studies devoted to Caucasian subjects in Russian literature practically do not address the issues of the authenticity of the paintings they created of the social life and everyday life of the mountain peoples. In the first part of the article, the object of the study was the criticism by the first North Caucasian enlighteners of the excessive romanticization of the images of Caucasian mountaineers in the works of A.S. Pushkin, M.Y.

Lermontov, L.N. Tolstoy. For the first time, the texts of publications by national authors were put into circulation. It is concluded that thanks to local authors who were well aware of the specifics of the North Caucasus, the level of publications on the North Caucasus region in the Russian press has significantly increased. The second part of the article examines the publications of the North Caucasian enlighteners of the Soviet period on these issues.

Keywords: Caucasian theme in Russian literature, images of mountaineers, the view of North Caucasian educators and publicists

ВВЕДЕНИЕ

Созданные русскими классиками XIX века образы горцев продолжали влиять как на советскую общественность, так и на советскую литературу. Достаточно вольные и необъективные характеристики горских народов регулярно появлялись на страницах произведений на кавказскую тему. Поэтому вполне закономерно, что первые северокавказские просветители советской эпохи не могли оставить без внимания это явление.

Между тем их литературно–критические статьи, посвященные вопросам искажения картин горской действительности остаются вне поле зрения литературоведов. Некоторые выводы этих авторов представляются дискуссионными, но они заслуживают внимания и без введения их в научный оборот история литературы и публицистики Северного Кавказа будет неполной, что обуславливает актуальность темы.

Предметная область исследования охватывает научно-публицистические статьи первых советских северокавказских национальных просветителей, посвященных вопросам достоверности созданных в русской литературе XIX века образов горцев. Источниковедческой базой статьи стали литературоведческие публикации И. Карачайлы, А. Авторханова, Г. Левоняна.

Цель исследования ликвидировать пробелы в историографии, касающиеся вклада национальных авторов Северного Кавказа в критику искажений горской действительности в русской классической литературе XIX века. Впервые введены в научный оборот тексты публикаций северокавказских национальных просветителей периода социалистической модернизации.

МЕТОДОЛОГИЯ

Методологической основой стали современные концепции культурологических процессов, протекавших в национальных регионах, методы конкретно-исторического и сравнительно-типологического анализа общественных процессов, литературных явлений, типологический анализ научно-публицистических текстов.

В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что публикации первых северокавказских национальных просветителей советского периода оказали значительное влияние на формирование позитивного образа горцев и горских народов в глазах российской и мировой общественности.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Тема искажения образов горцев и кавказских реалий в произведениях русских классиков стала снова актуальной после октябрьского переворота 1917 года и начала «великого» социалистического преобразования многонациональной России. В этом большевистском эксперименте особое место занимала национальная политика. От поддержки многочисленных народностей бывшей империи зависела судьба советской

власти. Важным компонентом социалистической модернизации национальных окраин стала программа коренизации, которая предусматривала наряду с другими направлениями культурную революцию, включая создание письменностей, литературы и искусства для эффективного ведения коммунистической пропаганды на родных языках народов Северного Кавказа.

Безусловно, эта политика большевистского режима позволила сделать огромный шаг в культурном развитии народностей края, создать небольшую прослойку национальных просветителей советской формации. Вместе с тем нельзя забывать, что первоначальную базу советской национальной интеллигенции составили местные просветители, получившие образование как духовное, так и светское в дореволюционную эпоху. Между тем оно строилось не на классовом мировоззрении, а отличалось гуманистической направленностью и универсализмом. Можно утверждать, что в просветительстве Северного Кавказа 1920–1930–х годов перемешались концепции гуманистические и классовые. Критика первыми северокавказскими просветителями XIX века русских классиков за необъективное отражение горской действительности строилась на общечеловеческих ценностях, признанных к этому времени цивилизованной частью мирового сообщества, а не на марксистских догмах. Конечно, «большевизация» части дореволюционных национальных просветителей после октября 1917 года объясняется доверием к выдвинутому советской властью на первоначальном этапе лозунгом права наций на самоопределение, вплоть до государственного отделения, который, впрочем, большевики и не собирались исполнять.

Нужно учитывать и то, что процессы создания новой просоветской интеллигенции в регионах протекали в условиях монополии концепций пролетарской культуры (Пролеткульта), в соответствии с которыми все дореволюционное (небольшевистское) искусство, включая русскую классику, следовало выбросить в мусорную корзину истории.

Естественно, влиянием пролеткультовской вульгарной идеологии можно объяснить несколько субъективные утверждения северокавказских национальных авторов первых лет советской власти при рассмотрении «кавказских» произведений русских литераторов.

Талантливый карачаевский публицист Ислам Карачайлы (Хубиев), утверждал: «…Великая Октябрьская революция означает, между прочим, и низвержение всех и всяческих кумиров, в том числе и литературных, лишение их абсолютной неприкосновенности, тех кумиров, которые родились и выросли во враждебном трудящимся и эксплуатируемым миллионным массам господствующем классе, являются носителями чуждых нам идеологий, чуждых пролетарской борьбе и революции настроений, мыслей и чувств» [7, с. 36]. Ему вторил первый чеченский литературовед А. Авторханов в журнале «На подъеме»: «Даже великие русские писатели – корифеи русской литературы – Пушкин, Лермонтов, Толстой, не могли возвыситься в уяснении социального смысла колонизаторских грабежей русского царизма и империализма на Кавказе над уровнем своего класса и в грохоте патриотических воплей не было слышно их голоса протеста. … Напротив "вонючие татары" (Толстой), "злые чеченцы" (Лермонтов), "лихие разбойники" (Пушкин), "коварные хищники" (историк Ткачев) – вот вам горцы в их изображении» [1, с 217.]

Вместе с тем нельзя не согласиться с некоторыми критическими замечаниями первых советских национальных публицистов, высказанных в связи с искажениями горских

реалий в произведениях Пушкина, Толстого, Лермонтова, а также их последователей. Нужно учитывать и то, что образы горцев, созданные великими русскими классиками в дореволюционный период, продолжали тиражироваться в советской литературе и искусстве, что негативно сказывалось на межнациональные отношения.

Особое внимание этой проблеме уделял Ислам Карачайлы, посвятив ей ряд статей на страницах региональной и столичной периодики, в которых не без пролеткультовского запала вскрывает досадные погрешности в произведениях русских классиков. Так, он отмечает путаницу в поэме Пушкина «Тазит» национальной принадлежности героев. Уже в первых строках участники похорон убитого сына Гасуба названы «адехами». «…Надо иметь в виду, – пишет просветитель, – что на Кавказе нет никаких адехов. Аз многогрешный склонен думать, что "адехи"… тут придуманы как рифма к выражению "для потехи". Если же допустить, что автор имел в виду "адыгэ", то в этом случаен при чем тут чеченцы. Словом, невылазная путаница» [8, с. 64]. Между тем в самой поэме нет упоминания, что Гасуб чеченец. Наоборот, подчеркивается, что он черкес, что равнозначно адыгу. Вероятнее всего, Ислам Карачайлы был знаком с работой В.Г. Белинского «Сочинения Александра Пушкина – Статья одиннадцатая и последняя» [11], в которой великий критик неверно определил национальную принадлежность главных героев поэмы «Тазит». Также нельзя исключать возможность механического переноса Исламом Карачайлы довольно часто встречавшихся в других кавказских произведениях русских классиков оплошностей, связанных с национальностью персонажей–горцев. К тому же Пушкин часто очень вольно интерпретировал при описании быта, обычаев, поведения коренных жителей Северного Кавказа, национальную идентичность героев своих кавказских произведений. Поэтому с выводом исследователя творчества великого поэта Г. Турчанинова, что в вопросах этнографии народов Северного Кавказа «…Пушкин был осведомлен …куда основательней, чем некоторые его исследователи» [16, с. 52] того времени, можно согласиться только частично.

Нужно отметить, что смешивание разных северокавказских этносов у Пушкина, а также Лермонтова, Толстого и других русских литераторов было явлением обычным. Порой один и тот же герой предстает в их произведениях чеченцем, черкесом, татарином, т. д. «…Если здесь речь идет о чеченцах, – пишет И. Карачайлы, – то не знаешь, куда пристроить узденей (горских дворян – в толковании Пушкина), так как не только во времена Пушкина, но даже накануне великой революции ни узденей, ни князей, ни высших, ни низших сословий у чеченцев не было, как не бывает их у народов, переживающих период родового строя своей истории. Чеченцы – своеобразный, дофеодальный народ, на языке которого нет слова "господин", нет понятия "приказывать". И они резко отличаются от любого другого народа, так что их смешивать с черкесами никак нельзя» [8, с. 64].

Эти несоответствия в поэме «Измаил–Бей» отметил также чеченский просветитель советской формации Заурбек Шерипов. О путанице в вопросе национальной принадлежности героя поэмы он пишет: «Это вполне понятно, так как известно, что во времена Лермонтова всех горцев называли черкесами для отличия их, как аборигенов Кавказа, от не туземных национальностей. …Лермонтов во многих местах воспевает известную чеченскую реку Аргун, а дальше делает резкий неожиданный скачок через административные и географические границы, разделявшие чеченцев и черкесов…» [17, с. 18–19].

Ислам Карачайлы особо выделил пушкинское выражение в поэме «Тазит» "подъемлют гости скорбный вой» [13, с. 225]. «У горцев мужчины могут скорбеть, – разъясняет автор, – могут снимать с себя оружие в знак высшей печали, … могут даже плакать, но поднимать скорбный вой – дело совсем незнакомое для горцев, не мужское дело» [8, с. 64].

После погребения сына к Гасубу явились «старик седой и отрок стройный». Обнаруживается, что молодой человек – младший сын Гасуба, отданный им 13 лет назад на воспитание в чужую семью. Действительно у кавказских горцев существовал древний обычай – аталычество. Между тем по тексту поэмы получается, что Гасуб уже давно забыл о существовании младшего сына. «…В сознании не укладывается, – с удивлением замечает Карачайлы. – чтобы для старика отца было неожиданностью, когда привели его же собственного сына, которого сам же он отдал на воспитание. …Отдавая детей на воспитание "аталыкам" ("заменяющим отцов") не только в "чужой аул", но даже в среду "чужого народа" – таких случаев бывало не мало, никто не забывал, что его сын находится там-то и там-то. Да и смешно себе представить такое забвение, когда это налагало на обе стороны большие обязательства, которые требовалось исполнять» [8, с. 65]. Конечно, это неправдоподобно. Еще более невозможной вещью Карачайлы считает устраивание угощения и веселья на «три дня, три ночи с кунаками» по случаю возвращения его сына из "чужого аула" в то время, когда у мусульман именно три дня продолжаются похоронный ритуал. «Когда у горцев теряют дорогих людей, они поступают совсем иначе – ссылается он на горские обычаи. – Там, где потеряли члена семьи, хозяева совершенно не заботятся, освобождаются от забот о гостях, об угощениях, не заботятся о еде. …Не только те, которые потеряли члена своего семьи, но и близкие им отказываются в знак сочувствия к семье, посещенной горем, от всякого веселья в течение известного времени… Ни один сосед не устраивает, не допускает свадьбы и связанных с ней веселий, когда в дружественной семье свежа еще печаль» [18, с. 66]. По мнению И. Карачайлы, Пушкину об этих обычаях не было известно и отсюда искажение действительности, «отсебятина». Также Пушкину принадлежит, считает он, недоразумение с использованием слова «кунак», вместе с тем относя это к «мелочам». Горцы – герои пушкинских произведений – «…лукавы, трусливы, хитры, жестоки, скупы, кровожадны и т. д…» [4, с. 52], подчеркивает Карачайлы

Более важное значение имеет, кем стал воспитанный в чеченской семье Тазит. Отец присматривается к нему, пытаясь увидеть в нем черты «могучего мстителя обид», но этим надежды не оправдываются: он, даже встретив убийцу своего брата на горной тропе, не тронул его, не отомстил. Гасуб отрекается от сына и изгоняет его. И Тазит возвращается туда, где был воспитан, что вполне объяснимо. Но в описании тамошней жизни героя поэт допускает опять несуразицы. Тазит полюбил местную горянку и сам любим. Их свидания происходят на виду у всех. Тазит идет прямо к отцу возлюбленной и просит ее руки. «У горцев даже теперь не часто встречается, чтобы женихи сами просили у родителей невесты – констатирует И. Карачайлы. – А о том, что это было невозможно 100 и больше лет тому назад, нечего и говорить. …Таких погрешностей у Пушкина много… От того Кавказа, который нам рисует Пушкин, частенько Кавказом даже не пахнет» [8, с. 67–68].

Особенно болезненно воспринимает просветитель неверные, нехарактерные для горянок поступки в период военного противостояния, несущего трагедии в каждую семью. «Горянки, черкешенки и не черкешенки, воспитанные в условиях перманентно–длительной

борьбы их родины с многомиллионным противником, – пишет Карачайлы, – знали великолепно, что в этой обстановке, в этой борьбе можно противостоять сильному врагу, лишь только подчинив все личное благу народа, благу племен, благу коллектива и что только во вторую, в третью, в десятую очередь можно думать о чем-либо личном. Разве те обычаи, адаты, намыс[1], хабза[2], которые частично и до сих пор сохранились в нашем быту, в нашем укладе, не являются отражением этой морально-коллективистической дисциплины…?» [4, с. 53]. «Любовные» интрижки горянок в «Тазите» Пушкина, «Кавказском пленнике» Толстого, «Бэле» Лермонтова Карачайлы рассматривает как фантазии авторов, созданные в угоду российскому и европейскому читателю. Между тем он приводит примеры из тех же произведений классиков русской литературы, опровергающие возможность таких историй. «Случай в поэме «Беглец» Лермонтова, – подчеркивает Карачайлы, – когда мать отрекается от родного сына из–за проявленной им трусости на поле брани, является лучшим подтверждением сказанного» [4, с. 53].

Между тем, замечает И. Карачайлы, в отличии от Пушкина выкупленный им из крепостной зависимости Тарас Шевченко «воспел борьбу горцев в своей замечательной поэме "Кавказ", которая долгое время находилась под цензурным запретом» » [4, с. 49]. По мнению просветителя, «…испорченный, если можно так выразиться, в отношении Кавказа и его народов, средой, воспитанием, штампованными взглядами на Кавказ и его народы, Пушкин под черкеской не видел и не чувствовал биения горячего сердца народа, который с безумством храбрости бился за свою свободу» [4, с. 58].

Ислам Карачайлы с позиции пролеткульта видит причину столь искаженного отображения горцев Пушкиным в классовой принадлежности великого поэта: «Для Пушкина как для „патриота своего отечества", для патриота страны, которая была в состоянии войны с горскими народами Кавказа, было в высшей степени не безразлично показать, что враги России были настоящие дикари, неисправимые, не поддающиеся действию никакой культуры, способные только на "кровавые совещания" и "разбойничью потеху"» [4, с. 63]. По утверждению И. Карачайлы, «…Пушкин не находил никаких слов для того, чтобы оправдать и осмыслить борьбу горцев за свою волю и свои родные гнезда, потому что оправдывать горцев и их самозащиту было не в интересах господствующих классов, которым служила (увы! Служила, не ожидая призыва Аполлона к "священной жертве") пушкинская муза» [4, с. 49]. С другой стороны, отмечает просветитель, «…Пушкин это ведь тот, который в поэзии узаконил кавказскую войну…" [4, с. 49]. «…Твой ход, как черная зараза, губил, ничтожил племена…», – так поэт обращается к генералу Котляревскому, одному из "кавказских" генералов не с осуждением жестокости, "черной заразы" и "уничтожения племен", а с торжественным признанием того, что он делает нужное, хорошее, "патриотическое" дело» [4, с. 49].

Если в поэзии все–таки позволено субъективное, основанное на авторских эмоциях отражение действительности, то документальной литературе такие приемы не характерны. В «Путешествии в Арзрум» такие вольные утверждения и оценки Пушкина Карачайлы

[1] **Намыс** – это основополагающее морально-этическое понятие в тюркской культуре (в частности, у казахов), означающее честь, чувство собственного достоинства, совесть и стремление защитить свою репутацию. Оно регулирует внутренние моральные ориентиры человека и является мерилом его человечности.

[2] Адыгэ хабзэ (кабард.–черк.) – адыгская (черкесская) этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов.

рассматривает как попытки поэта идеологически обосновать Кавказскую войну. Для подтверждения своих выводов просветитель приводит выдержки из текста: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь своим буйным единоплеменникам» [12, с. 438]. Пушкин, сам того не замечая, подчеркивает вынужденный характер сопротивления горцев. По поводу этого высказывания поэта И. Карачайлы комментирует: «Черкесы, преследуемые и сживаемые со свету, поддерживали друг друга, сопротивляясь физическому истреблению. Если бы они не делали этого, то они были бы предателями и негодяями. Если бы за разорение аулов и уничтожение целых племен они не стали бы мстить тогда, то они были бы холуями, без всяких признаков человеческого достоинства» [4, с. 51].

Публицист отмечает противоречия в словах Пушкина: «Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующего между ними наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение» [12, с. 438].

По словам И. Карачайлы, «…в порядке вещей во время войны наделять противника такими чертами, но это еще не является доказательством наличия этих черт у противника в действительности» [4, с. 51]. Кроме того, по его словам, Пушкин изобрел способ усмирения горцев: «Должно, однако же, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению. Самовар был бы важным нововведением» [12, с. 439]. «Не думайте, что выдумка, – замечает Карачайлы, – так написано у Пушкин» [4, с. 52]. Если по Пушкину черкесы торговали с Турцией, ставит вопрос Карачайлы: «…Чем торговали…, не награбленным же добром? О том, что горцы не только режут головы, но и сеют пшеницу, ячмень и кукурузу, пасут скот, занимаются пчеловодством, садоводством и т. д. и при этом для своего времени занимаются совсем неплохо – у Пушкина ни слова не найдете» [4, с. 52].

Как отмечает И. Карачайлы, о том, что горцы жили не только разбоем и грабежом, «можно найти поэтическое красноречивое свидетельство у великого собрата Пушкина …Лермонтова:

«…Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной.
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный». [10, с. 211]

По мнению просветителя «…разница …между Пушкиным и Лермонтовым в том, что Лермонтов, даже не разрешая проклятых вопросов, ставил их остро и недвусмысленно, а Пушкин либо избегал всяких вопросов, которые могли бы тревожить его патриотическую совесть, либо их ставил так, что в них никакой остроты, никакой актуальности не оставалось» [4, с. 57–58].

Но, подчеркивая сочувствие Лермонтова борьбе горцев, Карачайлы отмечает погрешности поэта при описании горцев и горской действительности. Наряду с путаницей по вопросу национальной принадлежности своих героев–горцев певец Кавказа часто

искажает некоторые религиозные и народные ритуалы и обычаи. Так, в поэме «Измаил–Бей» в песне Селима говорится: «Мой милый, смелее Вверяйся ты року, Молися востоку…» [10, с. 257].

Краски добавляет и Лев Толстой: «Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнес, обращаясь на восток, обычную молитву» [15, с. 25]. Тут все дело в этом самом "востоке", замечает И. Карачайлы, благодаря описаниям Лермонтова и других русских литераторов, у читателей «прочно засело в сознании, что все "восточные" люди, а, стало быть, и черкесы "молятся востоку". Почему, для чего обязательно "обращение на восток"? – ни один философ это вам складно не объяснит» [6, с. 43–44].

Возвращаясь к вопросу о пресловутой «молитве на восток», Ислам Карачайлы разъясняет, что элементов таинственного тут нет и в помине, просто «все правоверные мусульмане, живущие где бы то ни было, во время ежедневной пятикратной молитвы, обращаются лицом к родному городу Магомета, к Мекке, где находится священный для мусульман храм Кааба с черным камнем; "черкесы" и "татары" обращаются лицом не к востоку, а к югу, т. к. в отношении их родины Мекка занимает не восточное, а южное положение» [6, с. 43–44]. То есть, куда обращаются мусульмане во время молитвы, зависит от того, где, в каких частях света те или иные мусульмане в данный момент обитают. «… Эти "мелочи" сбивают с толку, – подчеркивает критик, – не только обывателя или читателя, но даже признанных писателей» [6, с. 43–44].

Неразбериху в вопросах национальной принадлежности героев своих произведений допускал и Л.Н. Толстой несмотря на то, что довольно хорошо был знаком с коренными жителями Северного Кавказа и даже имел среди них друзей. Ислам Карачайлы также отмечает эти досадные погрешности автора «Кавказского пленника». «Из народностей Северного Кавказа с большей или меньшей натяжкой могут быть названы татарами, если это так уж до зарезу необходимо – карачаевцы, балкарцы, ногайцы, туркмены, – пишет он. – Судя по „Кавказскому пленнику", совсем незаметно, чтобы Толстой имел в виду под татарами кого-либо из этих „инородцев". А в одном месте „Кавказского пленника" даже отдельно упоминается о „ногайцах", стало быть, под „татарами" автор не имеет в виду ногайцев, которых этнически было бы вполне допустимо и понятно сближать с татарами, если бы он это сделал. И все же фигурирующих в „Кавказском пленнике" горцев Толстому угодно – не для пущего ли „посрамления" их – именовать татарами, часто прибавляя к этому слову различные эпитеты, более обидные для... великого Толстого, чем, по евангельскому выражению, для „малых сих", т. е. для горцев. …Настойчиво, неуместно повторяемое слово "татарин", "собаки" и т. д., бросаемые с небрежностью, свойственной рюриковичам, выражает собою, во-первых, "право" большого барина не знать, что татары есть татары, а черкесы есть черкесы, "право" разницы между ними-экая, подумаешь, важность, не все ли они бритолобые!, "право" ошибаться и оскорблять и в то же время не нести ни перед кем никакой ответственности за свои ошибки или за поступки, оскорбляющие других и при всем этом... чувствовать себя превосходно» [7, с. 37–38]. В выражениях Толстого Карачайлы видит неуважение к инородцам как к более примитивным созданиям. Подтверждает этот и приведенный автором пример: «Сидит Жилин за татарином, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из–под шапки

синеется» [14, с. 307]. «Ни о каких особых симпатиях Толстого, – подчеркивает просветитель, – к горцам в их борьбе не приходится говорить» [5, с. 42].

Этих образы и сцены формировали представление российской общественности о горцах Северного Кавказа. «В течение почти семи десятков лет происходила форменная спекуляция на любознательности неосведомленного русского читателя, охотно выкладывавшего рубли для приобретения о Кавказе, – подчеркивается в журнале «Революция и горец». – И отставные воинские чины, и курортные больные, и случайные путешественники, соединяя приятное с полезным, писали свои "впечатления о Кавказе", "этюды", "материалы к изучению", "исторические очерки" и т. п., каковые, переходя из рук в руки, так сказать, сколачивали общественное мнение о "жемчужине российской короны"» [9, с. 52–53].

В небольшой заметке Ислама Карачайлы, опубликованной в 1928 году под заголовком «Верно ли писал Пушкин о Кавказе?» в газете «Вечерняя Москва», говорится: «Пора сказать, что великий Пушкин, певец Кавказа, его народов, и их героической неравной борьбы с самодержавно-крепостнической Россией, не слишком глубоко разбирался в том, что же такое черкес, чем он отличается от чеченца, кумыка и лезгина. …Пушкина изучать нужно. … Но при этом нужно его хорошенько комментировать. Особенно это нужно в переводах на языки разных национальностей» [3]. Эта публикация вылилась в широкую дискуссию на страницах издания, охватывая вопросы не только искажения образа горцев в русской литературе XIX века, но и часто встречающихся несуразиц при изображении культуры, быта и нравов народов СССР в советском искусстве. «К великому сожалению, приходится констатировать, – утверждается в отклике читателя М. Галяца, – что здесь дело обстоит не вполне благополучно. Деятели искусства и литературы сплошь и рядом искажают изображаемый ими быт народностей не русской национальности, подчас доходя даже до курьезов» [2].

Первые советские просветители народов Северного Кавказа считали необходимым разъяснять массовому читателю суть погрешностей в изображении горцев в произведениях русских классиков, потому что они перманентно повторяются и произведениях современных литераторов. «Мы еще во многих отношениях томимся в плену прошлого, – констатирует Карачайлы. – Прошлое самым настоящим образом тяготеет над нами, владеет нашими представлениями о Кавказе» [6, с. 46].

ВЫВОДЫ

Продолжая начатую первыми северокавказскими просветителями XIX века критику классиков русской литературы за искаженные образа горцев, советское поколение национальных авторов преследовали цель гармонизировать межнациональные отношения в многонациональной стране. Нужно отметить, что во многом эта критика была обоснована и поддерживалась передовой российской общественностью, что подтверждается многочисленными публикациями в периодике и научной литературе 1920–1930–х годов.

Вместе с тем монополия пролеткультовской идеологии не всегда позволяла вести ее объективно. Перегибы при оценке произведений русской классики доходили до оскорблений, им в вину ставили не только погрешности при изображении горской действительности, но и дворянское происхождение. Однако за этими пролеткультовским фоном публикаций скрывались серьезные объективные тезисы и выводы, представляющие научный интерес для литературоведов. «Необходимо, – писал И. Карачайлы, – чтобы …в

пушкинском творчестве научились различать пшеницу от плевел, ценные зерна от сора его эпохи, его класса, его круга» [4, с. 56].

Межу тем проблема объективного освещения современных реалий в национальных регионах страны остается актуальной и сегодня. Достаточно примеров искажения этой действительности как в современных художественных произведениях, так и даже в научных трактатах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авторханов А. На путях к созданию национальной литературы Чечни [Текст] / А. Авторханов // На подъеме. – № 9–10, 1931. – С. 217–222.

2. Галяц М. Своевременно поднятый вопрос (К вопросу об изображении в нашем искусстве быта народов СССР) [Текст] / М. Галяц // Вечерняя Москва. – 1928, 3 марта.

3. Карачайлы И. Верно ли писал Пушкин о Кавказе? [Текст] / И. Карачайлы // Вечерняя Москва//Вечерняя Москва. – 1928, 11 февраля.

4. Карачайлы И. Горцы и их борьба за свою свободу в творчестве А.С. Пушкина. К 130–летию со дня рождения. 1799–1929 [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1929, № 5. – С. 48–59.

5. Карачайлы И. Лев Толстой и горцы (По поводу книги Тахо–Годи – Лев Толстой в «Хаджи–Мурате») [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. –1930 № 2. – С. 36–42.

6. Карачайлы И. О наболевшем „или пустяки", которые нас душат [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1929 № 10. – С. 39–47.

7. Карачайлы И. О чинопочитании в литературе, или… мертвецы, которые гипнотизируют. Из цикла Лев Толстой и горцы [Текст] / И. Карачайлы // Революция и горец. – 1930 № 1. – С. 35–41.

8. Карачайлы И. Творчество А.С. Пушкина о горцах в свете фактов истории и обычаев горцев [Текст] / И. Карачайлы // На подъеме. – 1929, № 10. – С. 63–68.

9. Левонян Г. Страна „разбойников" или литературная халтура. [Текст] / Г. Левонян // Революция и горец. –1929 №1–2. – С. 52–53.

10. Лермонтов М.Ю. Измаил–Бей. [Текст] / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений в двух томах. Т. 2. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, 1989. – С. 208–269.

11. Мирзов Дж. Д. Об одной странной ошибке В.Г. Белинского [Текст] / Дж. Д. Мирзов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011 № 3. Chttps://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-strannoy-oshibke-v-g-belinskogo

12. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года [Текст] / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. 4-е изд. Т. 6. – Л.: Наука, 1978. – С. 432–484.

13. Пушкин А.С. Тазит [Текст] / А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. 4-е изд. Т. 4. – Л.: Наука, 1977. – С. 225–233.

14. Толстой Л.Н. Кавказский пленник [Текст] / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 21. – М.: «Художественная литература», 1957. С. 304–326. https://tolstoy.ru/upload/iblock/002/002205bfaf1a6ee004326d20585d7a41.pdf

15. Толстой Л.Н. Хаджи–Мурат [Текст] / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 35. – М.: «Художественная литература», 1950. – С. 6–119. https://tolstoy.ru/online/90/35/

16. Турчанинов Г. К изучению поэмы Пушкина «Тазит» [Текст] / Г. Турчанинов // Русская литература. – 1962, №1. – С. 5

17. Шерипров З. Что послужило Лермонтову сюжетом для поэмы «Измаил–Бей»? Историко–литературное исследование [Текст] / З. Шерипров. – Грозный: Изд. «Серло», 1929. – 32 с.